

Александр Иванович Молок

ЦАРСКАЯ РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1830 года ВО ФРАНЦИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*
Борьба классов. № 7. С.53-66

Царская Россия в течение долгого времени играла в мировой истории роль «станового хребта европейской реакции» (Маркс). Именно с помощью царских войск в 1814 году во Франции была восстановлена низвергнутая революцией монархия Бурбонов, которые, как и говорили современники, вернулись во Францию «в казацком обозе» (т. е. в обозе царских войск).

В Священном союзе европейских монархов, созданном 26 сентября 1815 года для борьбы с революционными и национально-освободительными движениями в Европе, ведущую роль опять-таки играл царизм.

Но господство Бурбонов, дважды (первый раз в 1814 году, второй раз в 1815 году) восстановленное во Франции при помощи иностранных штыков, продержалось всего около 16 лет. Революция 1830 года снова, и на этот раз окончательно, свергла их и вышвырнула за пределы страны. И снова русский царь оказался во главе тех сил, которые готовили поход против революционной Франции. И уж не вина Николая I, если международное положение и внутренняя ситуация в Российской империи сделали невозможным новую интервенцию против Франции и заставили его признать режим, установившийся в этой стране в результате июльских событий и выразивший окончательную победу буржуазии над дворянством.

Июльская революция 1830 года во Франции оказала большое влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения в ряде стран Европы.

В августе 1830 года вспыхнула революция в Брюсселе, приведшая к образованию независимого буржуазного государства — Бельгии, до этого находившейся в подчинении у Голландии. В ноябре того же года в Варшаве вспыхнуло восстание поляков, поднявшихся на борьбу за свою национальную независимость, за свое освобождение от гнета царской России. Осенью 1830 года произошли революционные восстания под лозунгом борьбы за конституционные реформы (а отчасти и за уничтожение феодализма в деревне) в Саксонии, Баварии, Гессене, Брауншвейге и в некоторых других государствах Германского союза. В начале следующего, 1831 года вспыхнули революционные восстания в Италии, раздробленной, как и Германия, на ряд крупных, средних и мелких государств. В мае 1832 года в Германии состоялся массовый политический митинг («Гамбахский праздник»), прошедший под лозунгом борьбы за ее демократическое переустройство и национальное воссоединение. В то же время усилилась борьба за избирательную и парламентскую реформу в Англии (она была проведена в июне 1832 года), а также борьба за пересмотр союзной конституции Швейцарии и конституций ее отдельных кантонов.

Все эти буржуазные, а частью и буржуазно-демократические движения, которым июльская революция дала новый импульс, подрывали основы реакционной, полуфеодальной системы Священного союза и пролили перекроить политическую карту Европы, установленную на венском конгрессе европейских монархов в 1814—1815 годах. Понятно, что царская Россия, игравшая с конца XVIII века роль «европейского жандарма», отнеслась к июльской революции крайне враждебно, более враждебно

чем правительства всех других европейских монархий. «Какое ужасное несчастье!» — таковы были первые слова императора Николая I, сказанные им по получении известия о революции во Франции и падении Бурбонов.

О том, как потрясены были июльской революцией члены царской семьи, свидетельствует переписка между Николаем I и его братом — великим князем Константином, наместником императора в Царстве Польском. 14 августа 1830 года Константин писал Николаю: «Как бы виновно ни было министерство Полиньяка¹ в непредусмотрительности, в легкомыслии и самоуверенности, которых я ему не прошу, оно не могло позволить целому народу восстать таким недостойным образом, как это сделал народ Парижа, а стало быть, и всей Франции, которую он ведет за собой. Поведение герцога Орлеанского есть поведение человека, более чем презренного в моих глазах; поведение остальных — это поведение людей, которые всегда вели себя подло и гнусно.

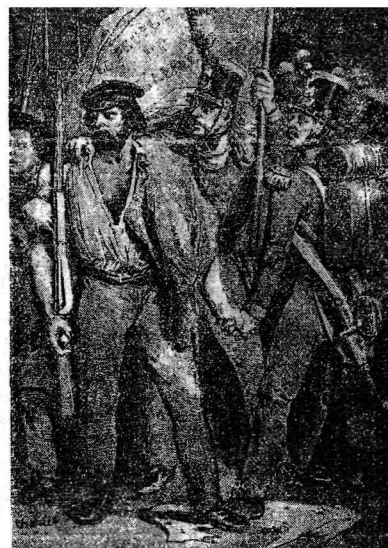
Эти люди были у наших ног (в 1814 и 1815 годах. — А. М.), мы их держали в своих руках, мы поступили с ними великодушно (?! — А. М.), а они вместо благодарности отвечают вам самым насильственным восстанием... Итак, мои мрачные предвидения оправдались; начинается новая эра, и мы отброшены на 41 год назад. Сколько трудов, сколько крови, сколько сил потрачено зря, только для того, чтобы привести к торжеству принципов, которые являются принципами наших врагов!»².

17 августа Николай I получил сведения, не оставлявшие никаких со-

мнений в том, что революция во Франции победила и старая династия низложена. Известия эти привели императора в состояние, близкое к бешенству. Французскому поверенному в делах предложено было тотчас же оставить Петербург, царский посол во Франции генерал Поццо ди Борго получил приказ немедленно оставить Париж со всем персоналом русского посольства. Всем находящимся во Франции русским подданным предписано было выехать из нее. Везд в Россию французским подданным был временно запрещен. Пребывающим в России французским гражданам не разрешалось носить трехцветные повязки и кокарды и говорить в присутствии русских о событиях в своей стране. Французские газеты, даже монархические, почти совершенно не допускались в Россию. Из русских газет известия о политических событиях во Франции могли теперь печатать только две самые консервативные: «Северная пчела» и «Сын отечества» — да и то лишь с разрешения цензора. Издававшаяся в Петербурге бароном Дельвигом (другом А. С. Пушкина) «Литературная газета» была закрыта только за то, что поместила четверостишие французского поэта Казимира Делавина в честь июльской революции. Кронштадтский военный губернатор вице-адмирал Рожнов получил 5 августа следующее приказание: «По случаю возникшего во Франции мятежа и перемены существовавшего правительства государь император высочайше повелеть соизволил ни под каким видом не допускать кораблям сей нации, плавающим под флагом трехцветным, а не белым, вход в Кронштадтский порт. Но если бы усиливались войти в оный, то останавливать их действием оружия. Его императорскому величеству равномерно благоугодно, чтобы всякий корабль французский из оставшихся ныне в Кронштадтском порте, который бы переменял белый флаг на трехцветный, немедленно был выслан в море. Сообщая вашему превосходительству высочайшую волю к непремennomу и строгому исполнению, имею честь присовокупить, что вместе с сим уведомляю об оной

г. начальника морского штаба его величества»³.

Принимая подобные меры, Николай I демонстрировал не только свою ненависть к июльской революции, но и свой страх перед влиянием, которое она могла оказать на оппозиционно настроенные элементы русского общества. Что эти последние были безусловно враждебны свергнутой монархии Бурбонов, это вынуждены были признать сами представители господствующих классов России. «Начиная с людей самых незначительных, от поденщика до людей самых выдающихся, все у нас находят Карла X виновным, это установившееся мнение», — говорил граф В. П. Кочубей императору Николаю 14 августа 1830 года⁴. «Что у нас говорят о сих событиях?» — спрашивал молодой профессор Московского университета А. В. Никитенко (впоследствии цензор и крайний реакционер) и отвечал: «У нас боятся думать вслух, но очевидно, что про себя думают много»⁵. «Славное было время, события неслись быстро, — вспоминал потом об этом периоде А. И. Герцен, бывший тогда студентом Московского университета. — Какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе... Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами; мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется, радикальных, и хранили у себя их портреты... Идеи были смутны: мы проповедывали французскую революцию, потом проповедывали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедывали конституцию и республику. Чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но лучше всего проповедывали ненависть ко всякому насилию,

Восставшие рабочие и солдаты. Франция. 1830 год.

ко всякому произволу»⁶. Горячо переживал июльские события их гениальный русский современник А. С. Пушкин. «И среди этих торжеств орангутангов принужден жить в самое интересное время нашего века!»⁷ — с горечью восклицает поэт в письме от 2 сентября (21 августа) 1830 года, жалующийся на убожество политической жизни в стране. А 16-летний М. Ю. Лермонтов посвятил революции во Франции два стихотворения; ни одно из них не увидело света в 1830 году и вообще при его жизни (они были напечатаны: одно в 1875 году, другое в 1883 году). Одно из этих стихотворений начиналось следующими словами:

«Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пала
Самодержавия сыны...»

Так реагировали передовые слои

¹ А. И. Герцен «Былое и думы». Собр. соч. Т. XII, стр. 125. Гиз. 1920.

² «Письма А. С. Пушкина к Елизавете-Михайловне Хитрово (1827—1832)». Труды Пушкинского дома. Вып. XLVIII, стр. 9. Лпд. Изд. Академии наук СССР. 1927 (подчеркнуто мной. — А. М.).

³ Н. К. Шильдер «Император Николай I, его жизнь и царствование». Т. II, стр. 288—289. СПб. 1903.

⁴ Т. Богданович «Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, июльская революция в свидетельствах русского вельможи» («Анналы». Т. IV. Прг. 1924).

⁵ А. В. Никитенко «Записки и дневники» (1826—1877). Т. I, стр. 273—274. СПб. 1893.

¹ Министерство князя Полиньяка, возглавлявший крайних реакционеров, образовано было королем Карлом X 8 августа 1829 года. Своими контрреволюционными действиями (особенно указами 26 июля 1830 года о печати, о роспуске палаты, об изменении избирательной системы и т. д.) оно ускорило взрыв революции.

² Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем (1830—1831). «Сборник императорского русского исторического общества». Т. 132, стр. 34. СПб. 1911.

русского общества, придавленные чудовищным гнетом феодально-абсолютистского и полицейско-бюрократического режима Николая I, на новую революцию во Франции.

2

Узнав, что два торговых судна под трехцветным флагом не были допущены в Кронштадт и что русское правительство решило прервать дипломатические сношения с Францией, барон Бургуэн, поверенный в делах этой последней, поспешил во дворец, чтобы попытаться переубедить Николая. Ему удалось добиться аудиенции в тот же день.

«Когда я вошел, — рассказывает Бургуэн, — император встретил меня на самом пороге и, став предо мной, произнес мрачным, но резко отчетливым голосом следующие слова: «Ну что, имеете ли вы известия от вашего правительства, от господина наместника королевства? Вы уже знаете, что я не признаю никакого другого порядка вещей, кроме прежнего, и считаю его единственно законным, потому что он основан на законной монархии». «Признаюсь, государь, — отвечал французский дипломат, — я крайне удивлен, что ваше величество смотрите так на вопрос, отныне бесспорно решенный моим отечеством, которое всегда умело отстаивать то, что сделало». «Да, таков образ моих мыслей: принцип легитимизма — вот что будет руководить мною во всех случаях», — заявил Николай и, сильно ударив рукой по стоявшему возле него столу, воскликнул: «Никогда, никогда не смогу я признать то, что случилось во Франции». «Государь, — возражал Бургуэн, — нельзя говорить никогда; в наше время слово это не должно признаваться: самое упорное сопротивление уступает силе событий». Он указал на то, что разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией неминуемо приведет к войне, что это будет война европейского масштаба и что ее исход может оказаться роковым для новой антифранцузской коалиции. «Мы уже не истощенная Франция 1814 года, а вы уже не объединенная Европа 1815

года»¹, — заявил Бургуэн и добавил, что если Россия займет враждебную Франции позицию, то последняя сойдется с Англией.

Этот аргумент произвел заметное впечатление на Николая I. Еще большее впечатление произвело на него заявление Бургуэна, что в случае образования новой коалиции против Франции, она будет до последней капли крови защищать свою независимость и обратится за помощью к другим народам.

Разрыв дипломатических отношений был избегнут. Бургуэн остался в Петербурге и, чтобы угодить Николаю, продолжал вместе со всеми чинами посольства носить белую кокарду. Приказ о недопущении в порты империи французских судов под трехцветным флагом был отменен под тем предлогом, что правительство наместника королевства «утверждено» Карлом X.

Касаясь вопроса о том, какова должна быть политика России в связи с июльской революцией, Николай I писал, что пока революция ограничивается пределами Франции, он не намерен вмешиваться в ее внутренние дела, что его оппозиция к происшедшему в ней перевороту «будет только моральной». «Но если, — добавлял он, — революционная Франция захочет вернуть себе свои прежние границы, — это совершенно изменит наши обязанности: трактаты укажут каждому из нас его роль, и дело должно будет решиться с мечом в руках, отчего да избавит нас бог»². Сообщая Константину о принятых им мерах военного и политического порядка (о прекращении отпусков для военнослужащих, об организации «тщательнейшего наблюдения за настроением умов» и т. д.), Николай, признавался, что боится «нового взрыва в Бельгии, а затем, возможно, в Италии и Испании», не скрывал и того, что боится поляков. «Прошу вас постоянно держать меня в курсе того, что вы узнаете о нашей польской публике, — писал он, — доведут ли они свое восхищение всем, что ис-

¹ Baron Paul de Bourgoing «Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques». Paris. 1864.

² «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 35.

На баррикадах.

Париж. 1830 год.

ходит из Парижа, до того, что найдут восхитительным происшедшие в нем только что события»¹. Рекомендую брату приостановить отпуски из армии, расположенной в Царстве Польском, Николай просил его сообщить ему «предварительно и по секрету» свои соображения по поводу приведения в боевую готовность этой армии.

Итак, уже в первом письме к Константину, написанном после июльской революции, Николай I обсуждал вопрос о военной интервенции против Франции.

Великий князь оказался осторожнее и дальновиднее своего брата — императора. «Я должен вам откровенно сказать, — отвечал он 12(24) августа, — что недопущение французских судов под трехцветным флагом равносильно, с моей точки зрения, объявлению войны. Я еще не знаю, какие решения приняты Пруссией, Нидерландами, Австрией. Если они поступят так же, война налицо, но я не думаю, чтобы в интересах этих держав было вести ее в настоящий момент, если принять во внимание, что первые операции французов приведут их в Бельгию и в Рейнские провинции Пруссии, очень мало надежные, особенно в отношении их военной организации. С другой стороны, если эти державы признают

трехцветный флаг, Франция скажет им: «Как это так: вы нас признаете, а ваш союзник не признает нас? Выбирайте между нами и Россией или порвите с нами или с нею».

Константин доказывал брату, что принятое им решение «произведет прямо противоположное впечатление на тех, против кого оно направлено». «Французские революционеры, — предостерегал царя великий князь, — воспользуются этим, чтобы оживить национальный дух, перед которым партийные раздоры отступят тогда на задний план». Считая интервенцию против Франции делом опасным и несвоевременным, великий князь делает ставку на разложение этой страны в результате внутренних раздоров. «Откровенно признаюсь, — пишет он, — что я желаю и горячо жажду для Франции такой гражданской войны, которая бы их подточила и разорила сверху донизу, ибо утверждаю, согласно поговорке, что собаки с жиру бесятся, и которая собака лает, та не укусит»².

Как видим, великий князь не уступал царю в лютости ненависти к народу, державшему свергнутого «законного» повелителя. Но, находясь в Варшаве, Константин Романов лучше понимал трудности международной обстановки и яснее отдавал

¹ «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 36—37.

² «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 40—41 (зарядка моя.—А. М.).

себе отчет в действительном соотношении сил, нежели его брат Николай. На вопрос последнего о состоянии армии, расположенной в Царстве Польском, наместник отвечал, что она к войне не готова, что потребуются, по крайней мере, три месяца для приведения частей в боевую готовность.

«До сих пор у нас все спокойно,— писал 13 (25) августа Константин,— и я лишь себя надеждою, что с помощью божьей так останется и далее». Июльская революция должна была, по его мнению, произвести самое отрицательное впечатление на польскую аристократию: «Эти господа увидят по чистке палаты пэров во Франции, что их ожидает, если бы существующий порядок был опрокинут»¹. В заключение великий князь снова убеждал царя не спешить с нападением на Францию.

«Мы вовсе не торопимся действовать»,—отвечал 17 августа Николай.— Но страна эта не может оставаться без монарха. Поэтому не остается ничего другого, как признать французским королем герцога Орлеанского, тем более, что это ближайший к трону член королевской семьи»².

Таким же образом рассуждал и русский посол в Париже: «Монархический принцип, спасенный (во Франции) среди этого кораблекрушения (июльской революции).—А. М.), каким бы незаконным и ослабленным он ни был после потери отнятых у него атрибутов власти, представляет собой все же крупную гарантию порядка по сравнению с тем, что произошло бы, если бы была провозглашена республика».

Надо,—доказывал Поццо ди Борго,—вступить в дипломатические сношения с новым правительством, поскольку у нас нет выбора и поскольку оно, при всей незаконности своего происхождения, не является по своей природе несовместимым с существованием всех других правительств; но, выполнив эту формальность, надо стать на защиту существующих трактатов, дабы остановить его (новое француз-

ское правительство.—А. М.) в его предприятиях и приготовиться к борьбе с ним в случае, если оно предпримет такие шаги, которые делают сотрудничество справедливым и необходимым»³.

К такой тактике начинал склоняться и сам Николай I. В разговоре с английским послом, лордом Гейтс-бери, он заявил, что, хотя герцог Орлеанский всегда будет для него только узурпатором, он не собирается, однако, вмешиваться во внутренние дела Франции. При этом он подчеркнул, что отказывается от военной интервенции не потому, что не верит в ее успех, а совсем по другим причинам. «Что можно сделать с этой великой и сплоченной нацией в случае, если мы даже и дойдем еще раз до Парижа,—спрашивал царь.—Возможно ли, а если и возможно, то разумно ли восстанавливать эти слабые существа (династию Бурбонов.—А. М.), упавшие с того места, на которое мы их однажды поставили и которые снова упали бы с него, как только армии ушли бы домой»⁴.

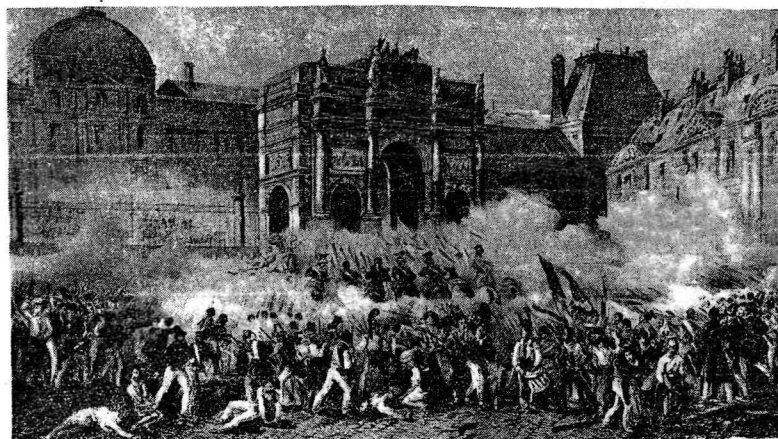
Знаменательным является признание русским самодержцем беспочвенности легитимной монархии и дворянской реакции во Франции.

Граф Кочубей следующим образом резюмировал все, что услышал от Николая I во время своего разговора с ним 14 августа 1830 года:

«1) Прежде всего попытаются прийти к соглашению с союзниками по поводу тех мер, какие надо будет принять в том или другом случае.

2) Разрыва с Францией не будет. Император признает герцога Орлеанского наместником, признает его даже и королем, если его признают другие державы, но он сделает это последним.

3) Он не предпримет ничего враждебного против Франции, но если эта последняя нападет на одного из своих соседей, его величество сейчас же

Взятие Тюльери 29 июля.

Париж. 1830 год.

объявит войну и выступит в поход с 200-тысячной армией»¹.

3

Но, прежде чем решиться на признание того, кого он продолжал считать и называть узурпатором, Николай I решил позондировать почву в Берлине и Вене, выяснить точку зрения своих союзников—прусского короля и австрийского императора—и склонить их к выработке плана совместных действий на случай войны с Францией. С этой целью 16 (28) августа в Вену выехал чрезвычайный посол русского императора, генерал-адъютант граф Алексей Орлов, а 19-го (31-го) с подобным же поручением отправился в Берлин фельдмаршал граф И. И. Дибич-Забалканский.

Отпрыск немецких феодальных баронов, ярый реакционер и крепостник, мечтавший о том, чтобы «поднять дворянство, истинное дворянство, старое дворянство» и образовать из него замкнутую привилегированную военную касту, которая должна была бы «оградить» Россию на все времена от «тлетворного» влияния либеральных идей, Дибич был решительным сторонником военной ин-

тервенции против Франции с целью восстановления в ней «законной» династии Бурбонов. Никакие затруднения не останавливали фельдмаршала, пользовавшегося исключительным доверием Николая I. На замечание Кочубея, что такого рода война потребует колоссальных расходов, Дибич отвечал, что денег хватит за глаза, так как у министра финансов есть сто двадцать миллионов рублей, войскам можно платить бумажными деньгами, и, наконец, контрибуция, которая будет наложена на Францию, с избытком покроет все расходы.

Когда Кочубей спросил Дибича, какие могут быть гарантии того, что восстановление Бурбонов не вызовет «новых потрясений», последний отвечал: «Что касается гарантий, стоит только оставить во Франции сто тысяч русских, и тогда видно будет, будут ли уважаться эти учреждения»². Так просто и прямолинейно «решал» граф Дибич вопрос о новой интервенции против Франции и о новой реставрации ненавистных французскому народу Бурбонов.

В основу переговоров, которые Дибич должен был вести в Берлине, положена была составленная им и одобренная Николаем I записка. Отказываясь признать Луи-Филиппа новым французским королем, русский им-

¹ Т. Богданович «Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, июльская революция в свидетельствах русского вельможи» («Анналы», кн. IV, стр. 135. 1924).

² Vicomte de Guichen «La Révolution de Juillet 1830 et l'Europe», p. p. 134, 137. Paris. 1916.

⁴ Guichen. Цит. соч., стр. 155—156 (разрядка моя.—А. М.).

¹ «Сборник имп. рус. ист. о-ва». Т. 132, стр. 42—43.

² Там же, стр. 46.

² «Анналы», кн. IV, стр. 136—137.

«Николай Невасытный». Французская карикатура на Николая I.

ператор объявлял вместе с тем нежелательным немедленное вмешательство во внутренние дела Франции. Из всех аргументов против немедленной интервенции, которые излагались в этом документе, наибольшее значение имел, конечно, страх перед революционным французским народом. Считаясь с возможностью признания нового французского правительства берлинским и венским дворами, Николай заявлял, что признание возможно лишь при условии получения от этого правительства «твердой гарантии» мира. Он добавлял, что в этом случае не откажется последовать примеру своих союзников, но «жертвуя при этом своими задушевными убеждениями ради спокойствия и счастья Европы, всегда будет хранить в своем сердце убеждение, что во Франции нет другого законного короля, кроме Генриха V». Николай I «поставит себе за честь то, что последним уступил убеждениям своих августейших союзников, и никогда не изменит своего внутреннего презрения к якобинскому поведению герцога Орлеанского»¹.

Лицемерно заявляя о том, что он «всем сердцем разделяет желания своего августейшего тестя относительно сохранения всеобщего мира»,

Николай оговаривался, что мало верит в возможность сохранения мира при создавшихся обстоятельствах, и выражал опасение, что развитие событий во Франции приведет ко «всем агрессивным действиям и всем бедствиям, которые принесла с собой первая революция».

Выражая все же надежду на то, что его опасения не оправдаются, русский самодержец заявлял, что считает, однако, необходимым заблаговременно принять все меры «для оказания твердого и энергичного отпора всякому нападению, к которому может привести настоящий порядок вещей». В случае войны с Францией русские и прусские войска должны были действовать в тесном контакте, как в 1813 и 1814 годах, на основе совместно выработанного общего плана борьбы. Для участия в предполагаемом походе против Франции со стороны русской армии намечались 14 пехотных и 12 кавалерийских дивизий; командовать ими должен был Дибич. Войска эти предполагалось привести в состояние боевой готовности и стянуть к прусской границе, как только король Фридрих-Вильгельм III объявит, что не считает больше возможным избежать войны с Францией. Для осуществления этих операций Дибич считал, что нужен срок в несколько месяцев (но не более 4—5). «Если бы, однако,—писал он в своей записке,—вторжение французов, особенно в рейнские провинции или в Бельгию, потребовало быстрой, хотя бы и частичной помощи, а общественное мнение признало бы желательность русского сотрудничества, если бы притом время года позволило это, император готов перевезти морем в указанное его величеством королем место 2-ю дивизию русской гвардии с ее артиллерией... Император, ожидая призыва его величества короля для отправки своих войск, рассчитывает, отдав необходимые приказания, поспешить в Берлин, чтобы лично переговорить со своим августейшим тестем, а затем, рядом с ним, сражаться против врагов общего спокойствия»².

«Россия ждет ваших приказаний, государь! (La Russie est à vos ordres, Sire!)», — восклицал Николай I в собственноручном письме на имя Фридриха-Вильгельма III, известая его о миссии Дибича.

8 сентября русский фельдмаршал прибыл в Берлин и был тотчас же принят королем. Последний, находясь под свежим впечатлением полученных им только что известий о восстании в Брюсселе против голландского правительства (25 августа 1830 года), заявил, что полностью разделяет взгляды императора Николая и, подобно ему, считает войну с Францией в конечном счете неизбежной. Но, добавлял Фридрих-Вильгельм III, он не хочет быть нападающей стороной и решил следовать тактике Александра I перед войной 1812 года. К тому же Англия уже признала новое французское правительство, то же собиралась сделать Австрия, так же должен будет поступить поэтому и он, король Пруссии. Действительно, прибытие Дибича не помешало Фридриху-Вильгельму III признать через два дня — притом без тех гарантий, которые считал необходимыми Николай, — Луи-Филиппа «королем французов». Нужно добавить, что вынужденное признание Луи-Филиппа не помешало берлинскому правительству приступить к рассмотрению военных планов, привезенных русским фельдмаршалом. Дело это поручено было начальнику главного штаба генералу фон Краузенек и адъютанту короля генералу фон Вилдобен, которые и занялись совместно с Дибичем секретным обсуждением военных мероприятий на случай войны с Францией. Принц Вильгельм уже намечался главнокомандующим рейнской армией, которая должна была действовать против Франции.

4

Между тем 31 августа в Петербург прибыл чрезвычайный посол «короля французов», генерал барон Атален, привезший Николаю собственноручное письмо Луи-Филиппа, в котором

он извещал русского императора о своем вступлении на престол.

Несмотря на все униженные и льстивые выражения, которые в изобилии расточал царю в этом письме Луи-Филипп, посланца его встретил при русском дворе весьма холодный прием. На аудиенции, данной генералу Аталену 6 сентября, Николай I открыто оплакивал падение Карла X, говорил, что не может пока дать никакого ответа новому королю, так как связан определенными «обязательствами» и «обещаниями», выражал сомнение в прочности нового режима во Франции и высказывал опасение по поводу деятельности республиканской партии. Атален уверял царя, что республиканцы уже не опасны, так как их вожди признали монархию Луи-Филиппа «лучшей из республик».

Уклончивые ответы Николая уполномоченному французского правительства свидетельствовали о том, что русский самодержец продолжал упорствовать в своем нежелании признать «узурпатора». Австрийский посол граф Фикельмонт всячески поддерживал царя в этом упорстве. Но в конце концов пришлось уступить и Николаю I. 16 (28) сентября он писал Константину: «Известия из Вены, полученные вчера, сообщают, что признание герцога Орлеанского состоялось там, так же как в Лондоне и в Берлине. Что мне остается делать? Если бы я следовал только внушениям своего сердца и своим личным чувствам, я никогда бы не решился на это признание, к которому я питаю отвращение и которое кажется мне несмысленным пятном... Это решение есть горькая пилюля, которую я вынужден проглотить»³. «Я согласен с вашими соображениями,— писал Николай I в резолюции по докладу своего министра иностранных дел графа Нессельроде от 16 (28) сентября, высказывавшегося за признание Луи-Филиппа,—но призываю небо в свидетели, что это есть и всегда будет противно моей совести и что это одно из самых тяжелых усилий,

¹ Шильдер «Император Николай Первый». Т. II, стр. 571.

² Там же, стр. 572—574.

³ Schiemann «Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I», B. III (1830—1840), S. 17. Berlin. 1913.

⁴ «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 49—50.

Восстание в Польше.

Варшава. 1830 год.

которые я когда-либо делал над собой»¹.

В ответном письме от 21 сентября (3 октября), которое пришло уже после состоявшегося признания Луи-Филиппа, Константин всячески убеждал своего брата в совершенной необходимости признания нового французского правительства и в полной невозможности всякой другой политики в этом вопросе.

«За последние 15 лет, — с горечью констатирует брат «самодержца всероссийского», — либерализм или якобинизм, которые для меня являются синонимами, сделали неслыханные успехи... Разве в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах мы сочли бы возможным, чтобы у нас могло вспыхнуть возмущение, притом в Петербурге? Но поскольку такой факт случился, разве он не может повториться, особенно если какая-нибудь отдаленная война приведет к удалению войск из страны и мы будем нападающей сто-

роной?» Война с Францией чревата, по мнению великого князя, еще и другими опасностями: «При одном только слове война, при одном только упоминании о возвращении рейнских границ Бельгии партийные распри во Франции прекращаются, Франция становится единой и сражается за распространение своих разрушительных принципов во вне...» Оставленная же в покое Франция, по словам варшавского наместника, «будет неизбежно ввергнута в гражданскую войну... Они (французы. — А. М.) сами разорвут себя на части, и из беспорядка родится порядок скорее, чем этого можно было бы ожидать... Если даже, — заключает Константин, — Франция будет иметь глупость захотеть начать внешнюю войну, у нас будет в руках аргумент для своих, что нападение пришло с их стороны, несмотря на наше признание, обусловленное их обещанием остаться в пределах своей территории... Ради бога, без поспешности, больше спокойствия и хладнокровия»².

² «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 132, стр. 51—53 (разрядка моя. — А. М.).

Трезвая оценка действительности, в основе которой лежал страх перед революцией, делала наместника Царства Польского решительным противником интервенционистской войны против Франции. На той же точке зрения стоял тогда, как мы уже знаем, министр иностранных дел Несельроде.

19 сентября ст. ст. (1 октября) он мог известить генерала Аталена о признании Россией нового французского короля. Но чтобы подчеркнуть свое, более чем сдержанное отношение к Луи-Филиппу, Николай I отказался дать его посланцу вторую аудиенцию и ограничился тем, что прислал ему свой портрет. В письме, в котором царь извещал короля французского о своем признании, он отказывал ему в общепринятом между монархами обращении «брат мой» и называл его просто «государь». Это нарушение этикета произвело весьма тягостное впечатление в Париже. Признание Луи-Филиппа Николаем I носило временный, условный характер и поставлено было в прямую зависимость от соблюдения новым французским правительством венских трактатов, этой внешнеполитической основы «Священного союза». Мало того: в другом, строго конфиденциальном письме к Луи-Филиппу Николай заявлял, что Европа ждет от короля французского не только гарантии внешнего мира, но и гарантии внутреннего порядка. Но то и другое может быть обеспечено, по мнению русского императора, лишь при условии «упрочения во Франции консервативного правительства», которое должно «остановить поток, угрожающий разлиться во все стороны»¹.

Борьба с демократией внутри Франции, отказ от помощи освободительным движениям в других странах и соблюдение реакционных трактатов 1815 года — таковы были условия, на которых «самодержец всероссийский» соглашался поддерживать «дружественные» отношения с «королем баррикад». Условия эти были беспрекословно приняты правительством июльской монархии, правительством банкиров и промышленных магнатов.

¹ Guichen. Цит. соч., стр. 161.

И уже, конечно, не его вина, если революционный поток, приведенный в движение июльскими событиями, не ограничился пределами Франции, а разливался все шире и шире.

5

В связи с революцией в Бельгии царским правительством снова поставлен был в порядок дня вопрос о войне с интервенционистскими целями. В правящих кругах России снова стало раздаваться бряцание оружия, снова стали слышаться угрозы по адресу Франции. Указывая на революционную борьбу бельгийцев, венгерцев, итальянцев, княгиня Ливен с негодованием воскликнула: «А всему виною Франция»².

21 сентября (3 октября) Дибич, все еще находившийся в Берлине, отправил в Петербург большой доклад по вопросу о военных мероприятиях на случай европейской войны, которую он считал почти неизбежной. В докладе был разработан план

² «Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами», «Русская старина», стр. 691—692. 1903.

Польские повстанцы. 1830 год.

¹ Schiemann. Цит. соч., стр. 420.

двойной интервенции: и против Франции и против Бельгии. «Первая наметка плана, который мы набросали здесь,—писал фельдмаршал,—такова: большая часть прусских войск при поддержке одного или двух корпусов нашей армии вступит в Бельгию и во Фландрию, в то время как основная масса наших войск, подкрепленная тремя прусскими корпусами, направится через Шампань к французской столице. На юге, в районе Верхнего Рейна, австрийцы с тремя корпусами Германского союза опрокинут сперва слабый натиск со стороны Эльзаса, а затем двинутся в центр Франции...»¹.

Николай I, вполне разделяя планы Дибича, поспешил начать подготовку к их осуществлению. 17 октября он писал своему военному министру, графу А. И. Чернышеву: «Депеши, только что полученные мною, таковы, что надо принять безотлагательные меры для нашего выступления в поход. Король Нидерландский пишет мне, прося, на основании существующих трактатов, о вооруженной помощи. Нетерпение Вильгельма так велико, что он просил меня послать часть войск, если это возможно, морем. Вы сами понимаете, что это дело неосуществимое в настоящее время года. Если бы эта запоздалая просьба пришла месяцем раньше, то все меры были бы приняты для ее удовлетворения»².

«Наши военные приготовления идут хорошо,—писал Николай 13 ноября Дибичу.—Я вполне доволен настроями наших офицеров: все они готовы к походу и в восторге от него»³,—добавлял император. Столь же воинственно был настроен и Чернышев. В письме к Дибичу от 21 ноября военный министр горько жаловался на «людей, ослепленных настолько, чтобы верить в возможность предотвратить прозу конференциями и переговорами... В настоящем деле речь идет о нашем существовании, о борьбе не за жизнь, а за смерть между законными правитель-

ствами и демагогией,—горячился Чернышев.—Пора противопоставить железный барьер этому ужасному потоку, который через год, а может быть, и несколько месяцев затопит добрую половину Европы; где найти тогда средства сопротивления»⁴.

Министр финансов и министр иностранных дел не разделяли интервенционистских настроений военных кругов и самого императора. 10 (22) октября Нессельроде писал Дибичу, что поскольку Англия противится вооруженному выступлению против Бельгии, Пруссия не может послать туда более 25 тысяч солдат, а русская помощь подоспеет лишь через несколько месяцев,—военная интервенция в бельгийские дела становится невозможной. Это положение вице-канцлер обосновывал и ссылками на тяжелое внутреннее положение империи. «В очень многих губерниях,—писал он,—свирепствует холера, их пришлось поэтому освободить от рекрутского набора; внутренняя торговля остановилась в результате мер, которые пришлось принять, чтобы помешать распространению этого бича... Урожай был плох, и налоги поступают слабо. И при таких-то предзнаменованиях мы приступаем к приготовлениям к войне, последствия которой может предсказать один лишь бог. Не надо, конечно,—заключает Нессельроде,—унывать и падать духом перед обстоятельствами, но мне казалось необходимым изобразить вам печальную картину нашего внутреннего положения, дабы вы могли руководствоваться ею во всех планах, которые вы будете разрабатывать с прусским кабинетом»⁵.

Это письмо было настоящим ушатом холодной воды для вояки Дибича, который, по ироническому замечанию одного из своих берлинских собеседников, генерал-адъютанта графа Ностица, «держался крайне воинственно» и «с большой самоуверенностью говорил о прогулке в Париж и т. п.»⁶.

Еще более охлаждающим образом должно было подействовать на фельдмаршала другое письмо министра

иностраннных дел — от 9 (21) ноября. «Я провел утро,—сообщает Нессельроде,—на очень печальном заседании, на котором Канкрин (министр финансов.—А. М.) развернул перед нами картину нашей финансовой нужды. Не разделяя полностью его мнения насчет нашей несостоятельности, я должен, однако, согласиться с тем, что источники займов и некоторых других чрезвычайных мер совершенно иссякли. Без субсидий от Англии я не знаю, где мы найдем средства на войну, продолжительность которой никто предсказать не может»¹.

О том, каких больших расходов потребовала бы война, можно судить по тому, что один только перевод на военное положение частей, выделенных для участия в ней, должен был обойтись в 11 миллионов рублей.

И все же Дибич не сдавался. Но как он ни упорствовал, он не добился ничего; даже Чернышев должен был признать внутреннее положение империи весьма тяжелым. «Теперешнее состояние России не может не внушать беспокойства,—доносил своему правительству английский посол лорд Гейтсбери.—Вся территория между Тифлисом, Астраханью, Оренбургом и Москвой опустошена эпидемией, которая распространится, может быть, скоро на всю империю. Все сообщения и всякая торговля прерваны, никакое рекрутирование армии невозможно... Россия должна рассматриваться в настоящий момент, как совершенно непригодная к бою. Сомневаюсь, чтобы даже в том случае, если бы армии удалось избежать заразы, общественное мнение, обычно инертное в этой стране, позволило бы России ввязаться во внешнюю войну, в то время как эпидемия производит такие опустошения в ней»².

Несмотря на такое плачевное состояние страны Николай I продолжал готовиться к войне.

Но позиция, занятая в бельгийском вопросе Пруссией и Австрией, а еще более Англией и Францией, заставила смириться и Николая I. «Так как при наилучшем желании не было бы

никакой возможности приступить к немедленным действиям, ибо ни одна из держав, не исключая и России, сделать этого не в состоянии, то не остается ничего более, как воспользоваться зимою для организации грозной коалиции четырех держав; одна только эта комбинация может спасти Бельгию и предохранить Европу от еще больших несчастий»³,—писал 17 ноября 1830 года Дибичу граф Нессельроде. «Грозная коалиция» эта (России, Австрии, Пруссии и Голландии), однако, не состоялась. Вспыхнувшее 29 ноября того же года восстание в Варшаве на целый год связало руки Николаю I, главному участнику предполагавшейся интервенции, и отвлекло его внимание как от бельгийских, так и от французских дел.

Бельгия была спасена. 20 декабря 1830 года конференция представителей пяти великих держав: Англии, Австрии, Пруссии, Франции и России — признала независимость Бельгии. Последняя превратилась в буржуазную монархию с ценовой конституцией: либеральная буржуазия, стоявшая, как и во Франции, во главе революции, не допустила установления в Бельгии республиканского строя. Королем Бельгии был избран принц Леопольд Саксен-Кобургский, ставленник Англии.

Царская Россия, получившая первый серьезный удар в 1825 году, когда восстали декабристы, в результате восстания в Польше в 1830 году оказалась снова под ударом. Воинственный пыл Николая I, готовившегося к новому походу русских войск на Париж, чтобы проучить «якобинцев всех стран», как рукой сняло. Царская Россия была скована революционным движением, охватившим почти все Царство Польское, и должна была временно отказаться от вооруженного вмешательства в европейские дела. Она должна была, как выразился Николай I, «проглотить горькую пилюлю» — признать буржуазную революцию во Франции и национальную независимость Бельгии. Но, подчинившись на время обстоятельствам, царская Россия не изменяла своим принципам и остава-

¹ «Сборник имп. рус. ист. об-ва». Т. 122, стр. 318—324. СПб. 1905 (разрядка моя.—А. М.).

² Шильдер. Цит. соч. Т. II, стр. 574.

³ Там же, стр. 576.

⁴ Там же, стр. 577.

⁵ Там же, стр. 469.

⁶ Schiemann. Цит. соч., стр. 29.

¹ Шильдер. Цит. соч. Т. II, стр. 471.

² Там же.

³ Там же, стр. 488.

лась «становым хребтом европейской реакции».

Россия, а также Австрия и Пруссия и после 1830 года не думали отказываться от планов военной интервенции против Франции как ведущей страны европейского революционного движения того времени, как это показывают секретные переговоры, которые велись по этому поводу в 1832 году в Берлине между представителями главных штабов этих трех государств (царское правительство было представлено генералом фон Нейдгардтом).

15 октября 1833 года в Берлине уполномоченные России, Австрии и Пруссии—граф Нессельроде, граф Фикельмонт и Ансильон—подписали секретный договор, возобновлявший основные положения договоров об организации «Священного союза», подписанного теми же государствами 26 сентября 1815 года. Договор этот состоял из трех статей. Первая из них гласила: «Дворы австрийский, прусский и русский признают, что каждый независимый государь имеет право призывать к себе на помощь как при внутренних смутах, так и при внешней опасности, угрожающей его стране, всякого другого государя, которого он сочтет наиболее подходящим для оказания ему помощи, и что этот последний имеет право оказать эту помощь или отказать в ней, сообразно своим интересам и склонностям...» Статья вторая говорит, что «в случае если бы потребовалось ма-

териальное содействие одного из трех дворов, австрийского, прусского и русского, и какая-нибудь держава пожелала бы воспротивиться этому силою оружия, то три двора сочли бы всякое враждебное действие, предпринятое с этой целью, как бы направленным против каждого из них», и приняли бы «самые быстрые и самые действительные меры к отпору такого нападения»¹.

Если договор 15 октября 1833 года (он получил неофициальное название Мюнхенгретского, так как был выработан на свидании Николая I с австрийским императором Францем I в городе Мюнхенгретце) не получил полного применения до самой революции 1848 года, то объясняется это тем, что с середины 1830-х годов почти во всей Европе обозначилась новая полоса реакции, затянувшаяся более чем на десятилетие. Что касается правительства короля-буржуа, то, справившись с революционным движением пролетариата и мелкобуржуазной демократии, подавив одно за другим все республиканские восстания, оно становится (особенно со времени перехода власти в руки консерваторов, в руки Гизо) существенной опорой европейской реакции, сближается с Австрией и даже с Россией.

¹ Ф. Мартенс «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». Т. IV, ч. 1-я, стр. 460—462. СПб. 1878.

